

> МАГИСТРАЛЪ >

ЖОЗЕ САРАМАГО

Перебои в смерти

Москва

УДК 821.134.3-31
ББК 84(4Порт)-44
С20

José Saramago
AS INTERMITÊNCIAS DA MORTE

Copyright © 2005, José Saramago
All rights reserved

Перевод с португальского *Александра Богдановского*

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Сарамаго, Жозе.

С20 Перебои в смерти / Жозе Сарамаго ; [перевод с португальского А. Богдановского]. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-221784-5

Жозе Сарамаго — португальский писатель и лауреат Нобелевской премии. Его романы наполнены магическим реализмом и читаются как сказки для взрослых.

Смерть — это женщина лет 36 редкостной красоты. Однажды она решает приостановить свою деятельность на территории одного государства. Мечта о бессмертии осуществилась. Вот только старость, болезни, несчастные случаи и прочие напасти никуда не исчезли. Тысячи людей оказываются в состоянии отложенной смерти, а их родственники не знают, как облегчить страдания близких...

Убедившись в провале эксперимента, смерть возвращается. Она обещает присылать обреченным письма за 7 дней до их кончины. Но один лиловый конверт с приговором снова и снова возвращается адресанту. Музыкант, живущий вместе с собакой, не собирается умирать, а смерть никак не может решиться его убить.

УДК 821.134.3-31
ББК 84(4Порт)-44

© Богдановский А., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221784-5

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

За Жозе Сарамаго такое водится — и уже довольно давно: принять в качестве первоначального импульса совершенно невероятное допущение — и посмотреть, что из этого выйдет. С упорством, не достойным лучшего применения, лауреат Нобелевской премии 1998 года Жозе Сарамаго, давно разменявший девятый десяток, занимается одним, в сущности, делом — он, будто следуя призыву Александра Блока, стирает «случайные черты», только мир от этого становится не прекрасен, а, пожалуй, еще гаже и ужасней, чем в действительности.

Началось это лет двадцать назад, с легкой руки великого португальского поэта Фернандо Пессоа (1888—1935), который придумал целую систему (а система есть комплекс *взаимовлияющих* элементов) своих литературных двойников-гетеронимов, вдохнул в них жизнь, снабдил их внешностью, привычками, биографией, одарил талантом. Вот одного из этих

фантомов — доктора Рикардо Рейса, поэта-неоязычника, последователя Горация — Сарамаго и отправляет в Лиссабон, где только что скончался сам Пессоа. (Нечто подобное произошло бы, если бы Иван Петрович Белкин, автор «Метели» и «Гробовщика», появился в Петербурге примерно через месяц после известных событий на Черной речке.) Пусть этот призрак, ставший человеком, обретет плоть и походит по улицам, поживет в отеле, куда вскоре придет навестить плод своего воображения его создатель — тот, кто был человеком, а ныне стал бесплотным призраком, существующим лишь в словах.

О словах — разговор особый. Ни одного из них Сарамаго «в простоте не скажет», ибо для него слова не столько строительный материал для создания образов, для выражения идей, сколько особый, независимый и отчасти даже враждебный мир, живущий по собственным законам, движимый по нарезанным бог знает когда — и, главное, кем — колеям могучей силой инерции. С нею Сарамаго ведет постоянную борьбу, а вернее — тотальную войну, корежа, расплющивая, взламывая то, что принято называть «устойчивыми словосочетаниями» — нет в этом мире ничего устойчивого. Оттого и пестрят страницы его книг, написанных за последние двадцать лет, такими — иначе не скажешь — пассажами: «Он не то что был задет за живое — он был в это живое тяжко ранен...», «Как отпустить мальчика одного на

ночь глядя, а поглядеть есть на что — кругом война да резня...», «...да не она испытывала страдания их, а они ее испытывали...», «...как это — несолоно хлебавши? — вдосталь и досыта нахлебались они горько-соленого, как океанская вода, разочарования».

И в этой океанской воде Иберийский полуостров, по неведомой причине отколовшийся от Европейского континента и превратившийся в «Каменный плот», поплывет... Куда? Зачем? А вот мы и узнаем. Что случится, если тихий издательский корректор, готовя к печати «Историю осады Лиссабона», вставит в одном месте отрицательную частицу? Как там дальше будут развиваться события португальской истории? Узнаете, если сумеете погрузиться в бесконечные, лишённые членения на абзацы периоды этой прозы, где реплики героев перебиваются — или подхватываются — голосом автора, где диалоги «утоплены» в повествовании, «вьющемся и ветвящемся», со своим особым синтаксисом и пунктуацией.

А о том, что происходит в его новом, самом последнем романе, вышедшем в свет поздней осенью прошлого года, можно судить уже по первой фразе. Но — не судите, да не судимы будете. Лучше прочтите.

Александр Богдановский
2006

Пилар — моему дому

Мы все меньше знаем о том,
что такое человек.

«Книга Предупреждений»

Подумай, например, еще раз
о смерти — и ты в самом деле
удивишься, что не познал благо-
даря этому явлению новые поня-
тия, новое поле действия языка.

Витгенштейн¹

¹ *Людвиг Йозеф Иоганн Витгенштейн (1889–1951) — ав-
стрийский философ. (Здесь и далее примечания переводчика.)*

На следующий день никто не умер. И это обстоятельство, вопиющим образом противоречившее законам бытия, породило в умах жесточайшее смятение, с любой точки зрения более чем оправданное, ибо достаточно будет вспомнить, что, перелопатив или, если угодно, прошерстив сорок томов всемирной истории, не найдешь ни единого упоминания о таком поистине феноменальном случае, не нароешь никаких сведений о том, чтобы за целые сутки со всем их двадцатичетырехчасовым избытием, расчлененным на утренние, дневные, вечерние и ночные куски, никто не скончался от болезни, не погиб в результате несчастного случая, не свел счеты с жизнью. Не было даже столь частых в праздничные дни аварий со смертельным исходом, иначе именуемых автокатастрофами, когда ликующая бесшабашность и избыток алкоголя бросают друг другу вызов на дорогах, стремясь — вот уж под-

линно — определить, чья машина сумеет доставить их к гибели первой. Канун нового года не принес обычного и бурного потока смертей, и казалось, что ощеренная старуха Атропос¹ решила на денек отложить свои ножницы. Кровь, впрочем, лилась, и в немалом количестве. Пожарные, растерянные и оторопелые, извлекали из-под руин искалеченных людей: по всей математически выверенной логике катастроф им полагалось находиться в состоянии, определяемом формулой «мертвей не бывает», а они, однако же, несмотря на тяжелейшие ранения и несовместимые с жизнью травмы, оставались живы и живыми доставлялись под душераздирающий вой сирен в больницы. Никто не умер по дороге, зато все, как один, в ближайшее время опровергли неотешительные прогнозы врачей. Бедняга безнадежен, нам тут делать нечего, не стоит даже и начинать, тут медицина бессильна, говорил хирург операционной сестре, помогавшей ему натянуть маску. Тем не менее несчастный, который еще вчера был обречен, сегодня умирать отказывался. И такое творилось по всей стране. До самой полуночи последнего в году дня еще находились люди, намеренные принять смерть с неукоснительным соблюдением правил: и те, кто обращался к голой, так сказать,

¹ Имя одной из трех сестер-парок, которая, согласно мифу, перерезает нить человеческой жизни.

сути дела — а суть в том, что кончилась жизнь, — и те, кто тешился многочисленными ее свойствами и качествами, в которые она, эта самая пресловутая и вышепомянутая суть, с большей или меньшей шумихой и помпой склонна облекаться в смертный час. Самый примечательный случай — имея в виду персону, с которой он произошел, — относился к весьма и весьма престарелой, всеми глубоко почитаемой королеве-матери. В двадцать три часа пятьдесят девять минут тридцать первого декабря ни один проstack не дал бы за ее жизнь и горелой спички. Всякая надежда исчезла, врачи вынуждены были капитулировать перед лицом неумолимой очевидности, августейшая же семья, в строгом порядке престолонаследия окружив одр болезни, безропотно ожидала, когда глава рода испустит последний вздох или коснеющим языком произнесет несколько прощальных слов, обращенных ли как моральное увещевание-завещание к любимым внукам, в виде красиво округленной ли фразы призванных остаться в неблагодарно-дырявой памяти грядущих поколений верноподданных. Но ничего не произошло, а время будто замерло. Королеве-матери не становилось ни лучше, ни хуже, и иссохшее тело ее балансировало на грани бытия, ежесекундно грозя за эту грань соскользнуть, но еще вися на тонкой нити, которую по неведомой прихоти продолжала удерживать смерть — а то кто же. А мы тем временем

переместились в следующий день, когда, как уже было сказано в самом начале нашего повествования, никто не умер.

И день этот уже сильно продвинулся за середину, когда разнесся и пошел гулять слух о том, что с наступлением нового года, а точнее говоря — с нуля часов первого января, никто во всей стране больше не умрет. Можно было бы предположить, что источником этого слуха послужило поразительное упорство, с коим королева-мать цеплялась за жалкие остатки своей жизни, тем более что ведь и медицинский бюллетень, распространенный пресс-службой двора через средства массовой информации, не только подтверждал, что в состоянии ее величества за ночь произошли заметные изменения к лучшему, но и указывал, осторожно выбирая слова, на значительную вероятность полного выздоровления. Слух, что вполне естественно, мог быть пущен и каким-нибудь похоронным агентством: Похоже, что в первый день нового года остались мы на бобах, — или больничным персоналом: Этот наш, из двадцать седьмой, ни мычит, как говорится, ни телится, — или дорожной полицией: Просто мистика какая-то, столько аварий на трассах, и ни одного убитого, чтобы задать остальным острастку. Итак, слух, источник которого установить удалось лишь впоследствии, и то лишь благодаря дальнейшему развитию событий, оказавшихся весьма и весьма значительными, очень скоро

проник в газеты, на радио и телевидение, достигнув ушей директоров и главных редакторов — людей, не просто умеющих издали, верхним, так сказать, чутьем улавливать события мирового значения, но и натасканных в случае надобности значение это еще и раздувать. В считанные минуты оказались на улицах десятки репортеров, расспрашивающих всех встречных и поперечных, а во взбудораженных редакциях встрепенулись и ожили батареи телефонов и начались лихорадочные опросы. Последовал шквал звонков в больницы, в Красный Крест, в морги, в похоронные конторы, в разнообразные полиции, за исключением, ясное дело, тайной, а ответы поступали на удивление однообразные и краткие: Смертей не зафиксировано. Больше повезло одной юной тележурналистке: прохожий, поглядывая то на нее, то в объектив камеры, поведал о случае, виденном собственными глазами и бывшем точной копией случая с королевой-матерью. Незадолго до полуночи, рассказал он, как раз перед тем, как с колокольни донесся последний удар курантов, мой дед, находившийся при последнем издыхании, вдруг открыл глаза, как если бы раскаялся в своем намерении умирать — и не умер. Журналистка пришла от всего услышанного в такой раж, что, не внемля ни жалобам, ни пеням: Что вы делаете, я не могу, мне надо в аптеку, дедушка ждет лекарства, — втащила прохожего в редакционный фургончик, приговари-